

ЦЕНА НЕВОЛИ, А НЕ ХОЛОДА

И. Башмаков, ЦЭНЭФ

В номере журнала «Эксперт» за 15-21 марта 2004 г. была опубликована статья Фионы Хилл и Клиффорда Гэдли «Цена холода», которая написана по материалам их книги «Сибирское проклятье: как коммунистическое планирование забросило Россию в холод». Поднятая в ней тема перекликается с ранее опубликованной книгой Паршева «Почему Россия не Америка?». В подобных публикациях важной, а то и главной причиной экономических неудач России провозглашается «холод», выраженный, например, показателем «средней температуры января на душу населения». По этой логике, чем холоднее, тем беднее. Это и есть наше «сибирское проклятье».

Получается, что наши проблемы зависят в основном от температуры января на душу населения, а наше будущее практически безнадежно: оно не зависит от экономической политики и структурных реформ. Новые программы по освоению ресурсов Сибири и Дальнего Востока нам начинать не рекомендуют. Почему-то, правда, зарубежные компании с большой охотой принимают участие в таких программах, например на Сахалине и в Сибири. У России остается только надежда на стремительное потепление климата (то есть России не нужно ратифицировать Киотский Протокол) и только одна экономическая политика – переместить значительную часть населения из спокойных и богатых ресурсами северных в опасные и бедные ресурсами южные районы страны.

Согласно такой концепции устоявшиеся в мировой практике выражения «богатый Север» «бедный Юг» не имеют право на существование. На самом деле, межстрановой анализ и анализ доходов в регионах России (самые низкие доходы имеют жители Южного федерального округа) показывает, что температура на душу населения обратно пропорциональна показателю ВВП на душу населения. Как объяснить, что энергоемкость ВВП «теплой» Украины в 1,8 раза выше, чем в России. То есть, Ломоносов все же был прав, когда считал, что богатство России будет прирастать Сибирью.

В XVI веке с походов Ермака началось освоение Урала и Сибири. В произведениях Мамина-Сибиряка прекрасно описано насколько интенсивно экономика Урала и Сибири развивались в конце XIX века. И тогда и до этого температура на душу населения в России была ниже, чем во многих странах мира. Однако в XI-XIII веках «холодный» Великий Новгород был заметно богаче «теплого» Парижа. До начала XX века русская печь в деревянном доме оставалась самой эффективной системой отопления в мире. По эффективности она превышала западноевропейский камин в 3-4 раза, а паровоз – в два раза. Поэтому, несмотря на менее благоприятный климат, в царской России эффективность использования энергии была выше, чем в США и во многих странах Западной Европы. Картина заметно изменилась после революции. За 90 лет по энергорасточительности на доллар ВВП Россия вышла на 10-ое место в мире, пропустив вперед только «теплые» и «очень теплые» Азербайджан, Украину, Казахстан, Туркмению, Узбекистан, Северную Корею, Танзанию, Нигерию и Эфиопию. Разрыв в энергоэффективности с развитыми странами был велик и до начала рыночных реформ. В последние 10 лет он не только не сократился, а напротив, увеличился.

Путь к благосостоянию России лежит только по дуге снижающейся энергоемкости. Климат снижению энергоемкости не помеха. Мы не сможем удвоить ВВП не осознав этой простой истины и не выстроив свою энергетическую политику соответствующим образом. Высокая энергоемкость является не «ценой холода», а «ценой неволи». На фоне остальных факторов решающую роль играет именно фактор социально-экономического и политического устройства. При сходных климатических условиях и сходных исходных условиях состояния экономики конца 30-х годов XX века потребовалось лишь 50 лет для того, чтобы энергоемкость в Чехословакии оказалась в два раза выше, чем в Австрии; а в ГДР в два раза выше, чем в ФРГ. Северная Корея не настолько северная, чтобы только по этой причине энергоемкость ее ВВП была в 18 раз выше, чем в Южной Корее.

Проблема не в холодном климате, а в структуре экономики, стратегических целях развития, системе и критериях принятия инвестиционных решений, особенностях их принятия в странах с жесткой централизацией принятия решений. Высокая энергоемкость ВВП напрямую не связана с энергоемкостью только жилого сектора, или потребностями отопления промышленных зданий и с температурой января. Гораздо

важнее соотношение энергоемких и малоэнергоемких производств. Кроме того, для создания комфортных условий в жилых и рабочих помещениях помимо отопления, необходимы еще вентиляция и кондиционирование воздуха. Перемещение населения из районов с холодным климатом в районы с жарким климатом автоматически не даст снижения энергопотребления. В 1985 г. в «холодном», но «бедном» СССР на цели отопления, вентиляции, кондиционирования и горячего водоснабжения жилых помещений в расчете на душу населения потреблялась 1 тонна условного топлива (равная по теплотворной способности тонне высококачественного угля) в год, а в «теплых», но «богатых» США – 1,9. То есть, дело вовсе не в климате, а в уровне благосостояния.

Авторы статьи «Цена холода» считают, что проблемы освоения Сибири и Дальнего Востока порождены использованием плановой экономики и применением доктрины равномерного распределения производительных сил. Они отмечают также, что развитие производительных сил Сибири шло с излишним акцентом на тяжелую промышленность и по трудоемким технологиям, что и привело к появлению избыточного населения в Сибири и на Дальнем Востоке. Здесь они значительно ближе к истине, чем при ссылок на температурный фактор.

Логика любого диктаторского режима - логика неволи и войны - проста: все должны работать, но никто не должен зарабатывать и становиться обеспеченным и независимым. Неработающие люмпены и обеспеченные материально независимые люди мыслят более свободно. Они системе не нужны. Их нужно изолировать. Затраты на их изоляцию – это плата за политическую устойчивость системы. Побочный эффект затрат на репрессивную машину – огромный массив бесплатного крестьянского или лагерного труда на всех стройках Сибири и Дальнего Востока. Еще один побочный эффект – в полном соответствии с рыночной экономической теорией - развитие технологий опирающихся на дешевый, а часто и просто бесплатный производственный фактор – труд, а следовательно, и развитие трудоемких технологий. Еще и сегодня есть зоны в ряде крупных городов, заключенные которых трудятся на больших промышленных предприятиях. Бесплатный труд заключенных - вот корень проблемы высокой трудоемкости и избыточного спроса на рабочую силу. Такое избыточное население есть не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в южных городах. Степень милитаризации экономики Украины была не меньшей, чем в России. Утверждение авторов о том, что уже сегодня трудовые ресурсы в России стали очень ценными преждевременно. Гастарбайтеры из «теплого» Азербайджана, стран СНГ, Китая и других стран вытесняют россиян с рынка труда «северов». Каждый, кто регулярно совершает поездки в Сибирь и на Дальний Восток прекрасно знает это. Дешевизна их рабочей силы в полном соответствии с рыночными законами все еще препятствует применению капиталоемких технологий и консервирует существование трудоемких производств. Со временем совершенствование технологий будет сокращать рынок труда в «холодных» регионах, но это требует значительных капитальных вложений в замену технологий.

Чтобы все работали, но на протяжении десятилетий не становились обеспеченными и независимыми, они должны производить нечто, что не могут сами потреблять сегодня, или с помощью чего не смогут увеличить свое потребление завтра. Есть только один вид таких товаров – продукция ВПК. Именно поэтому еще со времен Порта I сначала на Урале, а затем и в Сибири проводилась военная индустриализация, как верно отметил в своих комментариях по поводу книги «Сибирское проклятье» Г. Дерлугьян.

Затраты труда и ресурсов на производство вооружений огромны, а потреблять их может только государство. Поэтому в структуре экономики всех диктаторских режимов так велика доля продукции ресурсоемкого ВПК и тяжелой промышленности. Теоретически в политэкономии социализма этот эффект обосновывался выведенным Сталиным «законом» опережающего роста производства средств производства по сравнению с предметами потребления. Автор этой статьи четверть века назад математически доказал отсутствие такого закона. На Урал, в Сибирь и на Дальний Восток оборонные производства переносились еще в царские времена и не в соответствии с доктриной о равномерном размещении производительных сил, не на основе рыночных критериев (но все же с использованием экономических расчетов), а по стратегическим соображениям до и во время второй мировой войны. Таким образом чрезмерная, ориентированная на ВПК тяжелая индустриализация Сибири и Дальнего Востока – это

«цена неволи» и «плод войны». Именно эти факторы породили высокую энергоемкость российской экономики и экономики Сибири. Именно поэтому конверсия идет там трудно. Слишком высока была доля ВПК. Холод здесь ни при чем.

Содержание населения в районах Сибири и Дальнего Востока действительно обходится дороже. Но жители этих регионов в среднем и зарабатывают больше. Доля платежей за ЖКУ в их семейных бюджетах даже при ликвидации субсидий примерно равна или немногим выше, чем в южных регионах России. Тепло от ТЭЦ работающих на газе в Норильске не дороже, чем от ТЭЦ в Москве, производимое на угольных котельных Ростовской области тепло не намного дешевле производимого на Сахалине, а электроэнергия Колымской ГЭС много дешевле электроэнергии вырабатываемой «Кубаньэнерго». В затратах на производство и транспорт тепла большую роль играют сегодня устаревшие технологии, чем климат. Затраты на производство тепла на «северах» могут быть существенно снижены при реализации целенаправленной политики по оптимизации систем теплоснабжения и повышению их энергетической эффективности.

Часть «северян», вырвавшись с помощью политических и рыночных реформ из неволи, активно самостоятельно приобретает недвижимость в центральной и южной частях России. Отчасти именно их спрос движет вверх цены недвижимости в Москве и Санкт-Петербурге. Как только они решат закончить работу или потеряют ее, они сами двинутся на «юг» и проблема избыточного населения частично будет решаться. Действительно же избыточными в Сибири и на Дальнем Востоке являются пенсионеры. Их доля в общей численности населения на «северах» равна примерно 15%. Они экономически заперты в своих городах и поселках. У многих из них нет собственных средств на выезд. Они продукт той эпохи, когда все работали, но не зарабатывали. Именно им правительство должно помочь переместиться в районы с более благоприятными условиями проживания. Однако, многие сибиряки и дальневосточники переезжая южнее не находят там качества услуг, к которому они привыкли. Отчасти медицинские услуги и услуги ЖКХ на «северах» дороже, потому что там они качественнее, чем на «материке». Под районами с благоприятными условиями следует понимать не только районы с низкой температурой января или стоимостью ЖКУ, но и с адекватным их качеством. Именно для пенсионеров «цена холода» действительно значима. От переезда на «юг» семейные бюджеты пенсионеров, а также бюджеты соответствующих муниципальных образований, субъектов федерации и федеральный бюджет могут получить внушительную экономию. Именно в форме реализации программ переселения пенсионеров правительство должно хотя бы частично возместить северянам «цену неволи», чтобы более ни они, ни само правительство не платили «цену холода».